

4. Кнабе, Г.С. Гегель, Европа и рубеж тысячелетий / Г.С. Кнабе // Вопросы философии. – 2010. – №1.

НОРМЫ НАУЧНОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ И ИХ ДИНАМИКА В СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ НАУКИ

В.С. Сайганова, г. Минск, Беларусь

Динамика норм научной рациональности в философско-методологических исследованиях представлена в виде интерпретации исторического развития науки в постпозитивистских моделях роста научного знания и в концепциях оснований науки, существующих как в западной, так и в отечественной философии и методологии науки.

Чаще всего анализ проблемы роста научного знания основывается на сравнении интерналистского и экстерналистского подходов, развиваемых в постпозитивизме. Сравнение взглядов представителей разных подходов (К. Поппера и Т. Куна, И. Лакатоса и П. Фейерабенда) позволяет говорить о том, что проблема роста научного знания в философии и методологии науки развивалась на основе методологического противостояния двух основных стратегий исследования – стратегий абсолютизации «внутренней» или «внешней» динамики науки. Обе эти стратегии можно рассматривать в качестве предпосылок, дающих возможность выйти на проблематику обусловленности норм научной рациональности как внутренним ходом развития самой науки, так и определенным этапом исторического изменения науки.

Отобразить взаимосвязь оснований науки и ее динамики небезуспешно пытались как в рамках западных, так и отечественных философско-методологических исследований. К примеру, сравнительный анализ взглядов В.С. Степина и Т. Куна на основания науки показывает, что, расходясь в выборе оснований науки и в отображении их структуры, отечественный и западный авторы сходятся в признании существования переменных и относительно устойчивых характеристик научной рациональности. Наиболее стабильные нормы, выделяемые в том или ином аспекте можно считать «ядром» нормативной научной рациональности, а наиболее переменные, проявляющиеся преимущественно в социокультурном аспекте интерпретации норм как критериев научности, можно считать «периферией». Это связано с тем, что нормы научной рациональности и критерии научности имеют двоякую детерминацию. С одной стороны, они детерминированы особенностями объектов, которые осваивает наука на определенном этапе ее исторического развития. С другой стороны, они выражают образ познавательной деятельности, складывающийся в культуре под влиянием практики и обслуживающих ее типов духовной деятельности. Учитывая это, можно выделить два механизма, обуславливающих динамику норм и критериев научной

рациональности. Первый механизм связан с изменениями в структуре самой научной рациональности. Он наиболее отчетливо прослеживается при переходе науки к изучению объектов нового типа, обладающих более сложной системной организацией. Вторым механизмом трансформации норм и критериев научной рациональности является смена исторических типов науки. Речь в данном случае идет о том, что нормы рациональности всегда предметно обусловлены особенностями культуры соответствующей исторической эпохи и имеют мировоззренческую окраску.

Более полно раскрыть современное состояние проблемы динамики норм научной рациональности и критериев научности можно через выделение двух разнокачественных по своему составу групп современных исследований. Позицию первой группы условно можно назвать «умеренным когнитивизмом». В рамках данной позиции исследования научной рациональности, ее критериев и норм исходят из установки, что научная рациональность, несмотря на ее социокультурную обусловленность, должна быть выражена определенными нормами и критериями, но эти нормы и критерии должны отражать динамику научной рациональности. Такой образ научной рациональности в современной философии науки складывается в рамках когнитивной традиции, функционирующей в виде конструктивного диалога естественнонаучной и гуманитарной парадигмы знания. Исследование научной рациональности с позиции «умеренного когнитивизма» наиболее полно представлено в плодотворно развивающихся концепциях В.С. Степина и В.Н. Поруса в отечественной философии и методологии науки [1], а в западной философии науки – в концепциях Дж. Холтона и В. Ньютона-Смита [2].

Позицию, представленную во второй группе исследований, можно назвать коммуникативной и охарактеризовать как исследования, не проблематизирующие нормативный и критериальный характер рассмотрения научной рациональности. В рамках этой группы исследований можно выделить два направления: «крайний коммуникативизм», тяготеющий к релятивизму и развивающийся преимущественно в рамках прагматистских концепций Р. Рорти и Х. Патнема [3], и «умеренный коммуникативизм», получивший свое развитие в теории коммуникативной рациональности Ю. Хабермаса, в анализе интересубъективности у К. Хюбнера, в концепции открытой диалогу рациональности В.С. Швырева, а также в коммуникативных моделях научной рациональности П. Бурдые, Д. Блура и А. Гольдмана [4]. В целом, коммуникативные трактовки рациональности эксплицируют субъект – субъектные отношения, складывающиеся как в рамках самого научного сообщества, так и общества в целом по поводу и в процессе научной деятельности, и репрезентируют коммуникативный аспект рассмотрения

динамики норм научной рациональности. Это свидетельствует о расширении понимания рациональности и наделении ее новыми смыслами, которые отбрасывались предшествующей традицией и не рассматривались в качестве необходимых и значимых. Анализ коммуникативной рациональности лежит в основном в плоскости социально-гуманитарной парадигмы научного знания.

Системный и целостный характер норм и критериев научной рациональности, выделяемых в когнитивном аспекте, предполагает рассмотрение их динамики во взаимодействии с коммуникативными характеристиками научной рациональности, которые проявляются и конституируются в ходе научного дискурса. Коммуникативная традиция, будучи погруженной в бесконечные интерпретации коммуникативных действий и форм интересубъективности, при игнорировании когнитивных характеристик научной рациональности может привести к размыванию границ научной рациональности. Несмотря на все возрастающую значимость дисциплинарных и междисциплинарных исследований, как коммуникативного аспекта научной рациональности, так и эпистемологического аспекта коммуникативной рациональности, поиск их смыслового единства предполагает высокий уровень философской рефлексии. Дополнительность когнитивной и коммуникативной традиций в современной философии науки может считаться не только фундаментальным принципом теории рациональности, но и основным фактором, обуславливающим трансформацию норм научной рациональности в социокультурной динамике.

Таким образом, динамический аспект норм научной рациональности в современных философско-методологических исследованиях может быть рассмотрен через совокупность сосуществующих и взаимно сопряженных перспективных исследований в области научной рациональности, которые взаимно исключают друг друга, будучи взяты отдельно, и взаимодействуют один другого, взятые совместно в их смысловом единстве.

Литература:

1. Степин, В.С. Теоретическое знание: структура, историческая эволюция / В.С. Степин. – М.: Прогресс-Традиция, 2000; Порус, В.Н. Парадоксальная рациональность: очерки о научной рациональности / В.Н. Порус. – М.: Изд-во УРАО, 1999.
2. Ньютон-Смит, В. Рациональность науки / В. Ньютон-Смит // Современная философия науки: Хрестоматия. – М., 1994; Холтон, Дж. Тематический анализ науки / Дж. Холтон. – М., 1981.
3. Патнэм, Х. Разум, истина и история / Х. Патнэм. – М.: Изд. и консалтинговая группа «Праксис», 2002; Rorty, R. Science as Solidarity /

Rorty R. Objectivity, Relativism, and Truth. – Cambridge, 1991.

4. Habermas, J. Theorie des kommunikativen Handelns / J. Habermas // Handlungsrationalität und gesellschaftliche Rationalisierung. – Frankfurt am Mai: Suhrkamp, 1981. Bd.1.

ТЕОРИИ РАЦИОНАЛЬНОСТИ ПОВЕДЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

И.Г. Сиверцева, г. Минск, Беларусь

Изучение поведения человека является одной из актуальных проблем психологии и философии. Наибольшие разногласия среди исследователей вызывает вопрос о том, могут ли люди действовать рационально. Некоторые полагают, что это возможно при наличии у них высокого уровня знаний и культуры. Другие же считают, что общество в целом, за исключением некоторых экспертов, обладает низким уровнем знаний и культуры, поэтому поведение обычного человека носит иррациональный и противоречивый характер. В психологии ответ на этот вопрос зависит от того, что исследователи понимают под «рациональным» и «иррациональным», в частности, от их отношения к роли эмоций в поведении людей.

Сторонники оптимистического подхода к оценке поведения избирателей определяют рациональность как «способность выбрать из множества возможных вариантов тот, который в наибольшей степени гарантирует достижение своих интересов» [1, с. 24].

Сторонники пессимистического подхода считают, что поведение человека иррационально: люди, скорее всего, ограничиваются тем небольшим объемом информации, которая у них есть, подстраивая новые данные под уже имеющиеся у них убеждения. Они фильтруют новую информацию, поступающую к ним, отсеивая все то, что представляется им странным или неуместным. Таким образом, поведение людей повторяет укоренившуюся модель и носит костный, замкнутый и закрытый для новой информации характер.

Модели рационального и иррационального избирателей возникли в 1960-1970 годы; это был период активного изучения общественного мнения, поскольку в демократических странах избиратели стали решающей силой, которая определяла уровень политического и экономического курса государства. В рамках данного подхода ученые разработали три основные теории поведения избирателей: теорию ограниченной рациональности, теорию иррациональности и теорию эмоционального интеллекта.

В данной работе мы изучили теорию ограниченной рациональности на примере моделирования поведения избирателей Р. А. Sniderman, R. Brody, Р. Tetlock (1991) и А. Lupia (1994). В центре внимания моделей